

Центрированные миры и двумерная семантика в широком гносеологическом контексте

Понятие централизованного мира напрямую отражает исходную познавательную ситуацию гносеологического субъекта.

Центрированный мир состоит из маркированного индивида и времени. Маркированный индивид, в свою очередь, складывается из материального субстрата и познавательной интенции.

В ситуации научного поиска исходным является актуальный централизованный мир, в котором термины оцениваются согласно их априорным (первичным) интенциям. Противофактические миры выстраиваются как эпистемологические альтернативы, лишённые центра; в этих мирах конкурирующие концепты оцениваются согласно апостериорным (вторичным) интенциям и сравниваются посредством строгой дизъюнкции (пример: первичный термин – «тепло», альтернативные вторичные интенции – «невидимая жидкость «теплород», «мера движения молекул»).

Центрированные актуальные миры не являются исходными для субъекта в расширенном гносеологическом контексте в той мере, в какой научное познание не является первичным по отношению к донаучному познанию.

В ситуации научного познания субъект исходит из централизованного актуального мира, в ситуации гуманитарного и обыденного (донаучного) познания субъект отправляется от противофактического централизованного мира.

Если в научном познании априорная интенция фиксирует референцию, а вторичная является широкой дескрипцией зафиксированного референта (класса, рода, и т.п.), то в обыденном познании мы имеем обратную ситуацию: апостериорно фиксируется референция термина, а затем этот референт постепенно включается в более широкое описание, наличествующее в языке (как правило, в готовом виде). В этом последнем случае исходный мир является одновременно централизованным и противофактическим: централизованным потому, что содержит в себе субъекта опыта, фиксирующего референцию в своей познавательной интенции; противофактическим потому, что референция фиксируется именно в опыте, апостериори, а не в актах узнавания языка (или именовании), производящих исключительно априорные интенции.

Таким образом, централизованность мира оказывается жестко логически связанной с исходностью ситуации, от которой отправляется познание в каждом данном случае. И наоборот, централизованность оказывается лишь ситуативно связанной с априорностью либо апостериорностью возможного мира, так же, как децентрализованность может быть свойственна обоим типам миров. Возможно, в широком гносеологическом контексте стоит отказаться от приписывания априорным мирам первичности, а апостериорным – вторичности.

Возможность апостериорных интенсий как предшествовать априорным, так и наследовать им обусловлена двойственной ипостасью опыта, в которой он открывается в интересующем нас логико-семантическом разрезе. Опыт может быть как феноменальным, предшествующим языку, так и научным, базирующимся на языке и невозможным без различных его специальных и универсальных видов. В силу этого апостериорные возможные миры могут быть как центрированными, так и децентрированными, в зависимости от того, выступают ли они в качестве исходных или конечных, результирующих миров того или иного типа процесса познания; но и априорные миры могут быть центрированными и лишенными центра по этой же самой причине.

Сама же возможность применять логико-семантические и лингвистические термины к прелингвистическому познанию, каковым является феноменальное познание, обусловлена метаязыковостью данных концептов. Когда мы говорим об «апостериорной интенсии» некоторого имени применительно к центрированному миру, не связанному с каким-либо актуальным миром (т.е., к центрированному миру, субъект в центре которого еще не владеет релевантными актуальными значениями языка), то мы можем подразумевать под «интенсией» не вербальное определение этого имени, а лишь некоторого рода феноменальный опыт, переживаемый индивидом в центре и реферируемый данным именем. Таким образом, отдельные имена и термины в качестве апостериорных интенсий фиксируют и упорядочивают феноменальный и практический опыт еще до того, как субъект этого опыта – индивид в центре центрированного противофактического мира – овладеет нужными априорными концептами или даже вообще языком как более-менее целостной семиотической системой.

Чалмерс считает, что утверждение «Язык существует» апостериорно. Это хорошо согласуется с моим тезисом о том, что опыт может предшествовать языку. Собственно говоря, вводимое мною понятие центрированного противофактического мира указывает на то, что акт познания языка еще только долженствует быть совершенным, в отличие от понятия актуального центрированного мира, в котором акт познания языка предполагается уже совершенным.

Применительно к обыденному познанию эта идея может быть употреблена реконструктивными науками (для изучения процесса овладения языком прелингвистическими существами), в гуманитарном – к герменевтическим проблемам (для прояснения употребления слов, отличного от употребления интерпретатора).